

© **Е. В. КУПЧИК**

*Тюменский государственный университет
elwika@list.ru*

УДК 821.161.1

**СЛАВА В РУССКИХ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ:
МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ**

**GLORY IN RUSSIAN POETIC TEXTS:
METAPHORIC MODELS**

В статье рассматриваются реализации метафорических моделей, репрезентирующие лингвокультурный концепт «слава». Источником исследования являются фрагменты русских поэтических текстов XVIII-XX вв., включающие компаративные тропы с субъектом сопоставления «слава». Отмечено, что «слава» в компаративных конструкциях представлена главным образом в первом словарном значении (почетная известность как показатель признания заслуг, таланта). Типичными обладателями славы являются герои, поэты, в старой поэзии — цари и полководцы. Образ славы репрезентирован реализациями моделей, отражающих уподобление славы женщине, птице, напитку, растению и т. д. В русской поэзии слава представлена в движении, свете, звуках значительной интенсивности. Проявления славы позволяют говорить о ней как о могущественном существе, властном над людьми, пространством, временем. В поэзии XVIII-XX вв. слава, как правило, локализована в верхней области пространства. В современной поэзии традиционный образ славы видоизменяется, что проявляется в его прозаизации, приземленности, в наличии новых объектов сопоставления, в переплетении традиционного и нового и т. д.

The article is aimed at revealing the realization of metaphoric models, which represent linguacultural concept “glory”. The source of study is the extracts of Russian poetic texts of the XVIII-XX centuries. The extracts include comparative tropes with the subject of “glory”. It is established that “glory” in comparative constructions is usually presented by its first dictionary meaning (honorable prominence as a sign of credit and talent). Heroes, poets, tsars and battle captains become typical holders of glory. The image of glory is represented by models, which reflect the similarity of fame and a woman, a bird, a beverage, a plant and so on. Glory in Russian poetry is presented in movements, light and sounds in their great intensity. Manifestations of glory lead to the idea that it is a mighty matter, which has its great power

over human beings, space and time. In the XVIII-XX century poetry glory as a rule is located in the upper space. In modern poetry, traditional image of glory is changing. It is getting down to earth, new subjects of comparison appear and they interrelate with traditional subjects.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Метафорическая модель, метафора, сравнение, поэтический текст, концепт.

KEY WORDS. A metaphoric model, a metaphor, a simile, a poetic text, a concept.

Значимость лингвокультурного концепта *слава*, его важное место в системе человеческих ценностей делают его достойным объектом научного исследования. Учеными рассматриваются представления о славе, сложившиеся на протяжении веков у носителей русского языка, парадигматические, синтагматические, эпидигматические связи данного слова как имени соответствующего концепта с определением его лингвокультурной специфики [7].

Современные словарные толкования славы сводятся к следующим:

- 1) почетная известность как свидетельство всеобщего признания заслуг, таланта, всеобщего уважения и восхищения;
- 2) слухи, молва (разг.);
- 3) общественное мнение, репутация [8, с. 520].

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля представлены следующие значения: «Слава (ж). Как кто слывет, прослыл в людях; молва, общее представление о ком, о чем, известность по качеству.// Слух, молва вообще, вести, говор. // Похвальная молва, общее одобренье признание достоинства, заслуг; самая почести, хвала по ним» [2, с. 215]. В данном лексикографическом источнике наблюдается иная по сравнению с современными толковыми словарями последовательность значений: почетная известность оказывается едва ли не на последнем месте, а на первом по значимости стоит репутация, общественное мнение о человеке. Иллюстративный материал данного словаря представлен, в частности, пословицами, фиксирующими заслуженность славы («Кто как проживет, такая слава и пойдет»), ее уязвимость («Девичья слава, что зеркало: и дохнуть нельзя»), а также характеристики *доброй* и *худой* славы. Хорошая слава дороже материального благосостояния («Хоть денег ни гроша, зато слава хороша»), ее отсутствие обесценивает иные положительные качества («Хороши ребята, да славушка худа»). Худая слава предстает более активной, распространяющейся быстрее и дальше доброй славы: «Добрая слава за печкой спит, а худая по свету бежит»; «Добрая слава до порога, а худая за порог». Если добрую славу необходимо заслужить, то худая может появиться сама по себе и запятнать практически любого («Нет человека, чтобы худая слава не прошла»). Народные высказывания о доброй и худой славе являются свидетельством внимания русского человека к своей репутации, к сохранению доброго имени.

В русском народном сознании издавна сложился комплекс представлений о славе, включающий ее пространственные и временные параметры (*широкая, всемирная, вечная, преходящая*), различие славы истинной, принадлежащей только Богу, и человеческой, вредящей людям, поскольку та приводит к тщес-

лавию. Характеристика концепта *слава*, представленная в исследовании Е. В. Нагибиной [7], отражает сложность рассматриваемого феномена и значимость его для русского менталитета.

Интересной исследовательской задачей является рассмотрение *славы* в ином плане — как субъекта образных сопоставлений, представленных в компаративных тропах, используемых русскими поэтами старого и нового времени. Каждый из поэтических образов существует не обособленно, а «в ряду других — внешне, возможно, различных, но в глубинном смысле сходных образов», и вся их совокупность реализует «некий закон, модель, правило... парадигму» [3, с. 7]. Рассмотрение русских поэтических текстов в аспекте парадигматичности образов дает ученым возможность выявления «устойчивых ассоциативно-образных репрезентаций концепта» [5, с. 16], анализа реализаций метафорических моделей (далее ММ), в которых находят отражение закономерности восприятия, понимания поэтической личностью мира и человека.

Данные поэтических словарей [3, 11] свидетельствуют о наличии ряда ММ, в реализациях которых субъектом сопоставления является *слава* (имя концепта), причем, главным образом, в первом словарном значении, т. е. как почетная известность, являющаяся показателем общественного признания заслуг, таланта. Типичными «обладателями» славы в русских поэтических текстах являются герой, проявивший доблесть, а также поэт, рефлексирующий по поводу своего творчества. Кроме того, о славе упоминается в связи с какой-либо исторической личностью: в старой поэзии это, например, цари и полководцы.

В реализациях ММ *слава* — *существо* постоянным объектом сопоставлений является человек. Слава, как правило, выступает в женском образе. *Славу* — *женщину* отличает привлекательность, близость к герою, а иногда и родство с ним: это подруга, мать, жена, «безутешная вдова» гения (В. Маяковский), нянька и др. Образ *славы* — *жены* неоднозначен: это и «верная жена» (М. Цветаева), и «продажная жена» (М. Дмитриев), и жена, утратившая любовь супруга, например: «К неверной славе я хладею; / И по привычке лишь одной / Лениво волочусь за нею, / Как муж за гордою женой» (А. Пушкин). Слава может предстать властной женой, «тиранкой легковверных» (А. Мерзляков), гордой королевой, влекущей «строго и лукаво» (И. Северянин). Одна из основных характеристик *славы* — *человека* — склонность к обману, и ни неверная супруга, ни «подруга смелого порока» (А. Бестужев-Марлинский), ни «обманувший друг» (М. Лермонтов), ни «слава-пустомеля» (Н. Языков) не достойны доверия. Отметим, что постоянными рифмами к славе в старой поэзии неоднократно оказываются формы «лукава», «лукаво».

Из представителей животного мира славе соответствуют главным образом птицы. Слава осмысливается как крылатое существо, способное осенить крылом голову героя, лететь или плыть белым лебедем или кружить вороньей стаей над телами погибших. В последнем случае (пример из А. Мариенгофа) традиционно негативная семантика образа ворон ослаблена указанием на пребывание птиц в верхней части пространства и соседство с небесными источниками света: «Только крылья о звезды звенят».

Движение славы как живого существа — прежде всего, полет, перемещение в верхней области пространства мира. Образ летящей славы, являющийся весьма древним и регулярно встречающийся в старой поэзии (в текстах М. Ломоносова, А. Сумарокова, М. Хераскова), как правило, конкретизируется тем или иным образом. Соответствующие глагольные лексемы передают характер полета: слава *летает* (то есть совершает движения в разное время и в разных направлениях), *летит* (несется, передвигается в воздухе), *парит* (держится в воздухе на неподвижно раскинутых крыльях), *реет* (плавно летает), *несется* (движется вперед с большой скоростью); чаще всего слава представлена в очень быстром движении. Важное значение имеет высота полета: «наивысшая» слава является таковой в прямом, буквальном смысле, оказываясь «выше звезд» (А. Сумароков). Слава — существо осваивает не только высоты, но и обширное земное пространство, например: «Чрез горы, дол, леса, стремнины / ... Летящу славу зрю с венцом. / Стезей надоблачной несется» (Ю. Нелединский-Мелецкий). Обычное место локализации славы — над прославляемым объектом (героем, полем битвы, победоносным флотом и т. д.). Летящая слава является в сиянии, блеске, часто с каким-либо из ее атрибутов — венцом или трубой. Ограниченность, немасштабность полета славы — свидетельство ее ущербности, фальшивости, например: «Непрочна слава та, и пагубу наводит, / Что не от истинной доброты происходит; / Круг головы она летает лишь всегда» (Н. Поповский).

Реализации частной ММ слава — божество или мифологическое существо, фиксирующие «прямые» сопоставления славы с представителями необыденного мира (как, например, «ангел славы» в тексте С. Липкина), отличаются меньшей по сравнению со славой-человеком и др. частотностью и распространенностью [10, с. 618-619]. Следует, однако, отметить, что содержание ряда контекстов, отражающих реализации разных ММ, свидетельствует о восприятии поэтами славы едва ли не в первую очередь как существа божественной или мифической природы. Помимо недостижимой для земных существ высоты и скорости полета, а также некоторых других действий и свойств (о которых будет сказано ниже), слава обладает «материальными» доказательствами ее божественной природы: ей посвящены храмы. В старой поэзии такие храмы предстают роскошными сооружениями, в которые слава приглашает достойных ее, например: «Се слава, двинута судьбою, / Разверзла свой пресветлый храм; / Внутри его сияет злато, / Стоят, украшены богато, / Престолы праведным царям» (А. Майков). Достойный муж способен сам воздвигнуть величественное культовое здание — как, например, герой оды Е. Кострова И. И. Шувалов: «Добротами души ты почестей достигнул: / На мраморных столпах ты славы храм воздвигнул». В упомянутом произведении поэт описывает классический облик славы: «И слава, на крилах вдруг пламенных вознесшись, / В цветы Юнониной посланницы облекшись, / Оставя мраморный торжественный чертог, / Имея в шуйце лавр, в деснице звучный рог, / Летает пред тобой...». Призывы идти в храм славы во главе с Петром (А. Сумароков) или цесаревичем Павлом (В. Май-

ков) являют собой побуждения к проявлению доблести, совершению славных дел. Путь к такому храму как к святому месту должен быть прямым, достойным и честным, поскольку «Несправедливые дороги / В храм вечной славы не ведут» (Г. Державин).

Среди образных характеристик славы важное место занимает ее звучание. В русских поэтических текстах постоянны упоминания о славе *звучной, звонкой, громкой, шумной* и т. п. В некоторых случаях слава квалифицируется именно как звук, причем наряду со *славой* — *существом*, например: «Прости, о слава! обманувший друг, / Опасный ты, но чудный, мощный звук» (М. Лермонтов). Герой А. Пушкина, размышляя над определениями славы, ищет ее соответствия именно в области звучания, что отражается в нескольких реализациях ММ *слава-звук*: «Скажи мне, что такое слава? / Могильный гул, хвалебный глас, / Из рода в роды звук бегущий...». Акустическая палитра славы отличается разнообразием. Помимо человеческих звуков (крика, лепета, речи) ей присущи *шум* (нестройное звучание, возникшее от слияния разных звуков), *гул* (неясный шум) *рокот* (однообразный, глухой гул или грохот), *треск* (резкий звук, издаваемый при разрушении чего-либо), а особенно *гром* как атрибут грозы наряду с молнией или же — в переносном значении — сильный шум. Сочетания «гром славы», «слава гремит», «гремящая слава» и т. п. повторяются в текстах разных авторов, главным образом в старой поэзии, в которой слава, уподобленная и грому, и молнии, выглядит как мощное проявление стихии.

Акустический образ славы тесно связан со звучанием музыкальных инструментов, среди которых и струнные (*лира*), и ударные (*кимвал, литавры*), но главным образом духовые (*труба, рог*). Современные словари определяют трубу как медный духовой музыкальный инструмент, предназначенный для извлечения высоких звуков яркого тембра. Трубы славы, однако, имеют некоторую специфику, поскольку эти инструменты не собственно музыкальные, а — как в древние времена — сигнальные. Энциклопедический словарь символов указывает на древнее родство (в том числе и этимологическое) слова труба с древнееврейским словом, обозначающим деревянный или металлический рог, предназначенный для передачи определенных сигналов, издаваемых по тревожным или радостным поводам [4, с. 886-888]. П. Я. Черных отмечает родство данного слова с французским *trompe*, обозначающим охотничий рожок [12, с. 265-266].

В текстах XVIII-начала XIX вв. труба славы оказывается именно сигнальным инструментом, возвещающим о силе русского воинства, о его победах, о явлении царя, например: «Летает слава в тьме ночной, / Звучит во всех землях трубой, / Коль Росская ужасна сила» (М. Ломоносов); «Слава громкою трубою / Радость воинству гласит» (В. Майков). Аналогичную функцию выполняет и рог: «Царь, как страшной брани бог, / И слава перед ним в гремящий трубит рог» (М. Херасков); «Пусть славы рог гремит величество заслуг» (Н. Поповский). Рог и труба славы характеризуются как громкие, гремящие, их звучание заполняет пространство мира: «гласит...до звезд» (А. Сумароков), «звучит...у звезд» (Г. Державин), достигает «концов Вселенной» (Ю. Нелединский-Мелецкий).

Звучание славы оказывается столь же масштабным, как и ее полет. Отметим, что смешной и нелепый в своем тщеславии герой сатирической поэмы М. Чулкова «Плачевное падение стихотворцев» (собираТЕЛЬНЫЙ образ литературных противников автора) обладает и соответствующей славой, сниженный образ которой создается указанием автора на очень скромный инструмент (в то время как ее полет отличается достаточной высотой): «Глава его как пень в полночи блистала, / И слава в облаках над оною летала; / Но только без трубы, а был у ней рожок, / Пастух зовет коров которым на лужок».

В ряде поэтических текстов имеются указания на вид металла, из которого изготовлены трубы славы. Относительно медных труб из известного выражения (пройти огонь, воду и медные трубы) существуют разные мнения. В словаре В. И. Даля данное выражение, дополненное сравнением «как водка», служит характеристикой «пройдохи» [2, с. 435]. В. Н. Вакуров и В. М. Мокиенко, анализируя историю данного оборота, отмечают, что речь идет о медных трубах славы, испытание которыми прошли участники Отечественной войны 1812 года [1, с. 132-139]. А. А. Шунейко обращает внимание на изначальное отсутствие ассоциаций славы с медью — обыденным, недорогим металлом, противопоставленным металлам благородным и более ценным — серебру и золоту [13]. В русской поэзии применительно к трубам славы используются главным образом определения *златые, златоперунные, серебряные*: это подчеркивает значимость радостных событий, о которых извещают трубы, и величие самой славы.

В руках славы оказываются и незначительные предметы, способные звучать: в русской поэзии они предстают атрибутами негативно оцениваемой славы (ненужной, неуместной и т. п.): «А наутро притащится слава / Погремушкой над ухом брэнчать» (А. Ахматова); «Смерть подарит нам бубенчики славы» (А. Галич).

ММ *слава — свет* представлена значительным количеством реализаций, относящихся к нескольким частным ММ: *слава — луч, солнце, луна, звезда, искусственные светильники*. Уподобление славы солнцу, луне встречается главным образом в старой поэзии применительно к подвигам героев, к значительным делам, память о которых должна сохраниться в вечности, например: «В ночи времен не гаснет солнце славы» (В. Тепляков); «А слава тех не умирает, / Кто за отечество умрет. / Она так в вечности сияет, / Как в море ночью лунный свет» (Г. Державин). *Слава — звезда* не излучает интенсивного света, в данном образном соответствии фиксируется способность славы манить, привлекать к себе, например: «Его порой волшебной славы / Манила дальняя звезда» (А. Пушкин); «На Дунай! Туда, где новой славы, / Славы чистой светит нам звезда, / Где на пир мы призваны кровавый» (И. Аксаков). В большинстве случаев слава не сопоставляется с конкретными источниками света: поэты чаще всего упоминают о лучах. Свет славы обычно оказывается в пространственной близости от героев: лучи не только горят над их головами, но и венчают их, окружают, облекают в свет. Такой герой, по сути, сам становится своеобразным воплощением славы, например: «Пред ним мятежных гром гремел, / Текли вослед щиты кровавы; /

Грозой он в бранной мгле летел / И разливал сиянье славы» (А. Пушкин). Светом славы сияют и имена героев, и их подвиги (о чем пишут, например, Г. Державин, А. Майков).

Свет славы может сопровождать людей и после ухода в иной мир, где они покоятся «в сиянии славы» (Г. Державин). Вместе с тем поэт не может с уверенностью сказать, «пройдет ли луч его (солнца) сквозь сумрак гробовой (В. Тепляков), поскольку те, кто превратился в «хладный прах», могут получить столь же «хладную» славу, например: «Падут владельцы величавы, / И в позолоченных гробах / Сиянье северное славы / Не согревает хладный прах» (А. Бестужев-Марлинский). Г. Иванов, упоминая о грусти Тургенева, описывает представление писателя о жизни как о произведении словесного, музыкального или живописного искусства, «где, не грея, светит мировая слава». Свет славы связан с огнем, который вспыхивает над головами избранных или пламенеет в душе, светя, согревая и вдохновляя. Однако реализации ММ *слава* — *огонь* значительно менее частотны по сравнению с уподоблениями славы свету. Большого внимания в русской поэзии удостоен спутник огня — дым, являющийся едва ли не единственным представителем соответствующей области ММ *слава* — *воздушное пространство*. Определение славы как дыма, встречающееся у поэтов разного времени, передает главным образом представление о славе как о чем-то непостоянном, преходящем. Оцениваемый в целом негативно (как нечто пустое, бессодержательное, не стоящее внимания, опьяняющее, дурманящее), дым славы, однако, обладает привлекательностью, он «любезен нам, приятен» (К. Батюшков). Дым славы привлекает и отталкивает: «Слава — дым / (Давно известное сравненье!): / Вдали — как радуга, вблизи — / Тошнит и ест глаза! (А. Тимофеев); «Коварной славы сладкий дым, / Ты горек нам, ты дорог нам! / Но — фимиам необходим / Кумиру и его жрецам» (Я. Полонский). Воздушная стихия представлена также ветром славы. Соответствующая ММ (*слава* — *стихия*), отличающаяся незначительной частотностью и распространенностью, содержит представление о славе как потоке воздуха, отличающемся значительной силой и, подобно свету, находящемся в непосредственном контакте с человеком, встречаясь с ним в бою (В. Луговской) или заметая его душу снегом (Б. Поплавский).

Некоторые соответствия слава имеет в водной стихии. Основанием для подобных сопоставлений служат мощь водной массы, ее подвижность, звучание, например: «Их слава растет! В непогожую ночь / Так смелый прибор, ударяя / О берег, бежит, рассыпая, прочь, / Все гульче и гульче вздыхая» (К. Фофанов).

В мире растений славе соответствует главным образом лавр — растение с давним ореолом святости (лавровые роши у греческих храмов, лавровые венки на монетах и геммах как атрибуты Юпитера, Аполлона, листья лавра как символ жизни в раннем христианстве). Ника, богиня победы, традиционно изображалась держащей лавровый венок, которым она увенчивала героев [4, с. 445]. В русских поэтических текстах слава, с одной стороны, и сама предстает лавром (зачастую *слава* и *лавр* используются как синонимы), с другой — выступает в роли творца, соиздателя: «собственноручно плетет венец» (А. Радищев), «выращивает лавр,

а не траурный кипарис» (Б. Федоров). Соответствующие контексты позволяют сделать вывод о божественной природе славы, что проявляется в ее могуществе, масштабности действий, власти над пространством и временем, нахождении «в облаке златом» и т. д.

ММ *слава* — *драгоценное* реализуется в ее сопоставлениях с драгоценными камнями, ювелирными изделиями. Основаниями для сопоставлений являются блеск, твердость, величие (драгоценный венец). Частную ММ *слава* — *деньги* следует, по-видимому, отнести к сравнительно поздним. Соответствующие реализации отмечены в поэтических текстах XX века, в которых представлен образ мало ценимой, незначительной славы: «И как медная мелочь — слава» (П. Антокольский). Герой «Петербургского романа» А. Галича противопоставляет собственную славу и славу тех, кто «вышел на площадь», по степени интенсивности света, по масштабу славы, в конечном итоге — по ценности: «Зачем же потом случилось, / Что меркнет копейкой ржавой / Всей славы моей лучинность / Пред солнечной ихней славой?».

С давних времен слава осмысливается в русской поэзии как *напиток*, привлекающий вкусовыми качествами: «напиток дивный» (А. Хомяков), мед, нектар, вино. Вместе с тем слава оказывается и *вместилищем, сосудом* (чашей, кубком), содержанием которого может быть и божественное питье, и яд, и субстанция, совмещающая сладость и горечь (горький мед). Привлекательность чаши славы настолько велика, что может подавить инстинкт самосохранения — как, например, у лермонтовского героя: «Что жизнь? Давай мне чашу славы, / Хотя бы в ней был смертный яд».

Как нечто вещественное, материальное предстает слава в реализациях ММ *слава* — *ткань, изделие из ткани*. Слава уподобляется пышной одежде, ризе, «сверкающему платью» (А. Мариенгоф). В основе сопоставления лежит свойство славы украшать человека (и облекать, как и свет). Пушкинское именование славы яркой заплатой «на ветхом рубище певца» несколько снижает образ (слава — не наряд, а лишь кусочек ткани, использующийся с утилитарной целью). Однако слава и в таком виде выделяет поэта среди прочих (*яркая*), к тому же способствует целостности его одежды.

Упомянутые модели, зафиксированные как в старой, так и в новой поэзии, отражают уподобление славы самым разным объектам: человеку, божеству, огню, дыму, растению, напитку и т. д.; основания сопоставлений также отличаются разнообразием. Вместе с тем есть основания выделить определенный набор признаков, отраженных в реализациях ряда ММ. Слава обладает значительным могуществом, властью не только над людьми, но и над пространством и временем, что хорошо иллюстрируется, например, строками Б. Федорова: «Необорима, величава, / Сквозь даль пространств, сквозь мрак веков / Она свой блеск распростирает, / В полете время обтекает...». Славе свойственно величие божества; место ее пребывания — верхняя часть мирового пространства. Слава активно проявляет себя в свете и звуках значительной интенсивности, в движении, чаще всего стремительном. Активное внимание слава проявляет к тем, кто

ее достоин: осеняет крыльями, одевает светом, награждает венком, утоляет жажду и т. д. Такой славой в старой поэзии отмечены, прежде всего, воины, герои, цари. Вместе с тем слава может быть коварной, опасной: она способна обмануть, отравить, исчезнуть, рассеявшись дымом. А. Пушкин, определяя «все роды славы» как «дым войны и дым парнасского кадила», указывает на основные сферы действия славы.

Особняком стоит такой вид славы, как слава Божья. Содержание ряда ММ позволяет сделать вывод, что эта слава многократно ярче, выше, значительнее славы земной.

Традиционные ММ проявляются и в поэзии XX-XXI вв, причем авторы зачастую переосмысливают, корректируют, дополняют сопоставления, в результате чего известные образы «открываются с неожиданной стороны» [6, с. 64]. Нами отмечены следующие виды изменений:

- 1) возвышенный образ + его конкретизация, обытовление посредством какой-либо детали. Например, в текстах А. Вознесенского слава совершает обычное действие — летает, но при этом обременена багажом, а сам ее облик отличается от традиционного: нарядная дама, «дева туберкулезная». В тексте Саши Черного рядом с храмом славы оказывается сторожащий его «цепной барбос» — критик;
- 2) перенос традиционного образа в новую реальность, где он несколько видоизменяется, — как, например, у О. Берггольца, рисующей образ опаленной войной славы: «И, крылья мечевидные расправив, / Над нами встанет бронзовая слава, / Держа венки в обугленных руках»;
- 3) продолжение традиционного образного ряда новыми элементами прозаического характера. Например, к известным реализациям ММ *слава* — *напиток*, *еда* А. Мариенгоф добавляет упоминание неаппетитной жидкости («В стакане комнатной воды / Шипенье кислоты и соды»), а В. Маяковский — «курицу славы», которую следует поделить на всех. ММ *слава* — *существо* дополняется М. Цветаевой сопоставлением славы с «дряхлым удавом презренных сердец»;
- 4) изменение содержания традиционного образа. Например, «медноголосый зов славы» (М. Цветаева) ассоциируется скорее с колоколом, чем с трубой;
- 5) соседство старого и нового образа. Например, в стихотворении А. Кушнера «О слава, ты так же прошла за дождями...» автор совмещает образы колесницы славы, славы — последнего трамвая и не увиденного «западного фильма».

В современной поэзии слава, традиционно обитающая в верхней части мира, оказывается приближенной к земле. Она преодолевает не небесное, а земное пространство, причем не быстро (*тащится*, или ползет змеей — представителем «низа»), оказывается обремененной багажом (тянущим к земле). В авторской метафоре М. Цветаевой «А покамест пустыня славы / Не засыпет мои уста»

отражено представление о славе как о чем-то сугубо земном, вещественном, ассоциирующимся со смертью. Будучи крылатым существом, слава представлена теряющей высоту: «Намокшие крылья славы бьют в стекло» (О. Мандельштам). Слава утрачивает ценность, сопоставляясь уже не с бриллиантами, а с медными деньгами. Подобные представления о славе находятся в русле современной поэзии, для которой характерны. Например, такие тенденции, как конкретизация образов за счет новых объектов сопоставлений или «снижение высокого», что проявляется в обытовлении реалий, окруженных традиционным поэтическим ореолом [9, с. 57].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вакуров В. Н., Мокиенко В. М. Огонь, вода и медные трубы / В. Н. Вакуров, В. М. Мокиенко // Русская речь, 1988. № 1. С. 132-139.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4х томах. Т. 4 / В. И. Даль. М.: Русский язык Медиа. 2006. 683 с.
3. Иванова Н. Н. Словарь языка поэзии / Н. Н. Иванова. М.: АСТ, 2004. 666 с.
4. Истомина Н. А. Энциклопедический словарь символов / Н. А. Истомина. М.: АСТ, 2003. 1056 с. было 8
5. Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации. Проспект словаря / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург: изд-во УрГУ, 2010. 340 с.
6. Маслова В. А. Русская поэзия XX века. Лингвокультурологический взгляд / В. А. Маслова. М.: Высшая школа», 2006. 256 с.
7. Нагибина Е. В. Концепт «слава» в русском языке: лингво-культурологический аспект: автореф. дисс. канд. филол. наук / Е. В. Нагибина. Барнаул, 2002. 21 с.
8. Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. М.: Оникс, 2010. 640 с.
9. Очерки истории языка русской поэзии XX века. Образные средства поэтического языка и их трансформация. М.: Наука, 1995. 263 с.
10. Павлович Н. В. Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке / Н. В. Павлович. М.: Институт русского языка РАН, 1995. 491 с.
11. Павлович Н. В. Словарь поэтических образов в 2-х т. / Н. В. Павлович. М.: Эдиториал УРСС, 1999. Т. 1. 848 с.
12. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка / П. Я. Черных. В 2-х т. М.: Русский язык, 2002. Т. 2. 560 с.
13. Шунейко А. А. Пройти огонь, воду и медные трубы. URL: http://www.gramota.ru/bibliomagazines/rr/28_362

REFERENCES

1. Vakurov V. N., Mokyenko V. M. Ogon', voda i mednye truby [Fire, Water and Copper Trumpets] // Russkaja rech [Russian Speech], 1988. No 1. Pp. 132-139. (In Russian)
2. Dal V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka v 4h tomah. T. 4 [The Explanatory Dictionary of the Great Living Russian Language in 4 vol. Vol. 4]. M.: Rusky Jazyk Media [The Russian Language Media]. 2006. 683 p. (In Russian)

3. Ivanova N. N. Slovar' jazyka poezii [The Dictionary of Poetic Language]. M.: AST, 2004. 66 p. (In Russian)
4. Istomina N. A. Jenciklopedicheskiy slovar' simvolov [The Encyclopedic Dictionary of Symbols]. M.: AST, 2003. 1056 p. (In Russian)
5. Konceptosfera russkogo jazyka: kljuchevye koncepty i ih reprezentacii. Prospekt slovarja [The sphere of Concepts of the Russian Language: Key Concepts and their Representations. Dictionary Prospect] / L. G. Babenko (In Ed.). Ekaterinburg, 2010. 340 p. (In Russian)
6. Maslova V. A. Russkaja poezija 20 veka. Lingvokul'turologicheskiy vzgljad [The 20th century Russian Poetry. A Lingvo-cultural Approach]. M.: Vishaya Shkola [Higher School], 2006. 256 p. (In Russian)
7. Nagibina E. V. Koncept "slava" v russkom jazyke: lingvokul'turologicheskiy aspekt [Concept "Glory" in the Russian Language: a Lingvo-cultural Aspect]: avtoref. dis. kand. filol. nauk [Abstract of Diss. Cand. Sci.(Philol.)]. Barnaul, 2002. 21 p. (In Russian)
8. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo jazyka [The Russian Language Dictionary]. M.: Onix [Onix], 2010. 640 p. (In Russian)
9. Oчерки istorii jazyka russkoj poezii 20 veka. Obraznye sredstva pojeticheskogo jazyka i ih transformacija [The Outline of History of the 20th century Russian Poetry. Image-bearing Figures in Poetic Language and their Transformations]. M.: Nauka [Science], 1995. 263 p. (In Russian)
10. Pavlovich N. V. Jazyk obrazov. Paradigmy obrazov v russkom pojeticheskom jazyke [The Language of Images. Paradigm of Images in the Russian Poetic Language]. M.: Russian Language Institute [RAS], 1995. 491 p. (In Russian)
11. Pavlovich N. V. Slovar' pojeticheskikh obrazov v 2-h tomah. T.1 [The Dictionary of Poetic Images. In 2 vol.]. M.: Editorial URSS, 1999. Vol. 1. 848 p. (In Russian)
12. Chernykh P. Y. Istoriko-jetimologicheskiy slovar' sovremennogo russkogo jazyka v 2-h tomah. T. 2 [Historical-etymologic Dictionary of the Modern Russian Language. In 2 vol.]. M.: Rusky Jazyk [Russian Language]. 2002. Vol. 2. 560 p. (In Russian)
13. Shuneyko A. A. Projti ogon', vodu i mednye trubы [To Go through Fire, Water and Copper Trumpets]. <http://www.gramota.ru/bibliomagazines/rr/28362> (In Russian)

Автор публикации

Купчик Елена Викторовна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Института филологии и журналистики Тюменского государственного университета

Author of the publication

Elena V. Kupchik — Dr. Sci. (Philol.), Professor at the Russian Language Department, Institute of Philology and Journalism, Tyumen State University